

VIVOS VOCO! (Зову живых!)

Светлана Ковальчук

Философ Валерий Александрович Марков¹

Институт философии и социологии Латвийского университета начал свою самостоятельную историю в январе 1981 года, когда сектор философии Института истории обрел самостоятельность. Кстати, тогда он именовался Институтом философии и права АН ЛССР. За почти тридцатилетнюю историю сотрудниками института написано множество книг и статей в разнообразных областях — истории современной западноевропейской и античной философии, истории идейных течений и культуры Латвии. Также защищено немало диссертаций разных научных уровней, проведены многочисленные исследования в области права и социологии. Если когда-нибудь потребуется представить цифры, сравнительные данные, то, пожалуй, без кропотливой архивной работы не обойтись.

Но главным богатством института всегда были его сотрудники. Мне хочется вспомнить одного из них — Валерия Александровича Маркова (4 ноября 1924 – 12 июня 2006), доктора философских наук, профессора эмеритуса, полковника в отставке.

I. Кадников — Вологда — Рига

Мой коллега по Институту философии и социологии Латвийского университета В.А. Марков был родом из далекого Вологодского края, из города Кадникова, что в Сокольском районе. В судьбе Валерия Маркова и его семьи сполна отразилась история XX столетия. Бабушка и дед по материнской линии были родом из деревни Филеево, но после кампании по раскулачиванию переехали в Кадников — в городок в 43 километрах от Вологды. Бабушка Екатерина Гамулкина была безграмотной кружевницей, дед красавец-исполин Александр Гамулкин добивался благосостояния семьи тяжелым крестьянским трудом. Они дали дочери Варваре Александровне, в замужестве Марковой (1907–1993), хорошее школьное образование, что в дальнейшем позволило ей долгие

годы работать бухгалтером в Вологодском молочном институте (ныне Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н. В. Верещагина). Варвара Александровна всю жизнь увлекалась литературой, театром, занималась в художественной самодеятельности. В браке с Александром Марковым родилось трое сыновей — Герман (1923–1985), Валерий и Лев (1927–2003). Все дети были крещены по православному обряду, но в семье помнили о староверческих своих корнях. Брак родителей по каким-то причинам не стал счастливым — то ли из-за семейных неурядиц, то ли из-за репрессий рассказы об отце прекратились навсегда. Судьба отца, его происхождение, род занятий не обсуждались в семье, но бережно сохранились фотографии молодого Александра Маркова в форме ученика реального училища или гимназии, снятые в Вологде накануне исторических перемен в России. (Согласно данным личного дела В.А. Маркова, отец скончался в 1930 году.) Жизненные невзгоды вынудили Варвару Александровну отдать Валерия и Льва на воспитание родителям. В Кадникове была окончена средняя школа. Трех сыновей Варвары Марковой опалила Великая отечественная война, но все остались живы.

Военная карьера философа Валерия Маркова началась 15 августа 1942 года в пулеметном расчете, а закончилась 29 июня 1979 года. В декабре 1942 года 18-летний Валерий Марков воевал на Карельском фронте, с января 1943 года до марта 1943 года — командир минометной батареи Западного фронта. После тяжелого ранения, несмотря на инвалидность, остался в рядах вооруженных сил, поступил в Харьковское военное авиационное училище летчиков-наблюдателей, находившееся в эвакуации в Красноярске. Учебу закончил в 1946 году. В послужном списке значились — штурман экипажа полка, командир аэродромно-технического взвода, помощник командира автотехнической роты, инструктор по военно-массовой работе в Доме офицеров, пропагандист полка.

Летом 1948 года в одном из рижских загсов заключил брак с красавицей Прасковьей Федоровной (1924–2003), урожденной Кольцовой.

Валерий Александрович Марков

Этот союз оказался счастливым и прочным. Позже семья супруги и единственной дочери станут надежной опорой в его научных штудиях, столь маловразумительных для обывателя. По рассказам дочери Валерия Александровича — Ольги Валерьевны, отец имел увлечение, которое пронес через всю жизнь — собирание библиотеки, особенно книг по истории философии, науки, искусства, культуры, языкознанию и русскому языку.

С сентября 1947 до весны 1954 года продолжалась учеба на заочном отделении философского факультета в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова. Только через несколько лет удалось реализовать желание получить работу в соответствии с дипломом преподавателя диалектического и исторического материализма, истории философии.

С января 1959 года началась преподавательская карьера на кафедре марксизма-ленинизма в Рижском высшем инженерно-авиационном военном училище и в Рижском высшем военно-политическом Краснознаменном училище имени маршала Советского Союза С. С. Бирюзова.

В апреле 1964 года по решению ЛГУ имени П. Стучки ему была присуждена степень кандидата философских наук. В феврале 1965 года Марков избирается старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма в училище Бирюзова и вскоре становится там же доцентом.

II. В кругу коллег

В сентябре 1978 года Валерий Александрович подал документы для участия в конкурсе Института истории АН ЛССР на должность старшего научного сотрудника. Преподавание в военном училище и служба в армии закончились в июне 1979 года. Начался новый этап в жизни — научно-исследовательская работа в Институте истории в секторе истории философии. Должность директора института в то время занимал академик Валентин Августович Штейнберг. С открытием 1 января 1981 года Института философии и права АН ЛССР Валерий Александрович становится его научным сотрудником. В отделе, в котором ему довелось работать в те годы, его окружали недавние выпускники философского отделения историко-философского факультета ЛГУ. И он выделялся среди них не столько возрастом, сколько научным опытом, широкой эрудицией.

В 1987 году блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Проблема сохранения и современная наука». 1 июля 1988 года по решению Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР Валерию Маркову была присуждена ученая степень доктора философских наук. 20 мая 1993 года стал хабилитированным доктором философии Латвии (Dr. Habil. phil.). В 1985–1990 годах стал научным руководителем четырех диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук.

В 1980-е годы участвовал во многих научных конференциях в Риге, Минске, Москве, Симферополе, но особо ценил научные чтения, носившие имя уроженца Резекне писателя Юрия Тынянова. Возможно, участвовал еще и потому, что особо был пристрастен к литературе, поэзии, особенно поэзии русских символистов. Изобилие поэтических цитат в книгах Валерий Александрович объяснял тем, что поэзия по своему происхождению — это слово, обращенное к богам. «Немецкие романтики искали сближений философии с поэтическим творчеством. Лирическая поэзия это «раскованная» метафизика, которая в душе человека».

В те годы в Резекненский мемориальный музей на Тыняновские чтения съезжались известные ученые, литературоведы, писатели из Москвы, Ленинграда, Риги, Тарту и других городов Советского Союза: В.А. Каверин, М.О. Чудакова, М.Л. Гаспаров, Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Е.А. Тодес, Н.А. Богомоллов, Ю.Г. Цивьян и рижане Р.Д. Тименчик, Б.А. Равдин, В.А. Марков. Творческая, научная широта самого Ю.Н.

Тынянова — писателя, поэта, драматурга, литературоведа, критика — предопределила широту научных чтений его имени, что и позволяло обращаться к темам на стыке литературы и науки. Марков на Вторых чтениях исследовал тему «Тынянов и современная системология», на Четвертых чтениях — «Литература в мифе: проблема архетипов (к постановке вопроса)» и «К анализу архетипов литературно-художественного сознания».² В последней публикации Марков пришел к осмыслению того, что «литературно-художественное сознание имеет свои архетипы, т.е. глубинные социокультурные корни, которые обнаруживаются в синкретических пластах мифомышления. Поэтика мифа — прообраз поэтики литературной. Артю Рембо говорил, что „с помощью метафоры можно изменить мир“. Это в равной мере, но с учетом *differentia specifica* относится и к мифологическому, и к литературно-художественному мышлению. Мифомышление конструирует особую символическую реальность, где каждая вещь может выступать знаком другой, где универсум задается всеобщей одушевленностью предметов и явлений. Поэтика литературная сохраняет этот принцип, который теперь выполняют *синтаксические* функции в структуре вторичных моделирующих систем». Собственно теоретической разработкой этой проблемы занимался Ю. Тынянов, как занимался и вопросом «динамики литературных явлений в интервале „центр — периферия“ на основе эволюционных идей». Ведь в «литературе XX века наметился явный возврат к мифу, древним пластам культуры, — так писал Марков. — Об этом говорит и возрастающий интерес исследователей к первобытным, архаическим структурам, которые исторически оказались на „периферии“ развитых цивилизаций. Периферийные, маргинальные явления могут перемещаться в центр, обогащая исторический процесс и художественные ресурсы общества». В 1994 году Валерий Александрович уже в монографическом исследовании «Миф. Символ. Метафора: Модальная онтология» еще раз вернётся к размышлениям над проблемами мифа в современной культуре, литературе.

Марков долгие годы преподавал диалектический и исторический материализм, что не стало преградой для научных поисков. Изначально исследовал философию науки, теорию познания. Первая публикация, от которой он вел отсчет, состоялась в октябре 1961 года, а

общее количество публикаций за долгие годы научной деятельности превысило цифру 220. Его тексты читатели узнали на четырех языках, среди которых около двух десятков авторских монографий: первая монография «Кибернетические модели познания» была опубликована в Риге в 1976 году. Не раз его монографии и коллективные монографии, в которых принимал участие, получали премии Президиума АН ЛССР. Так в 1982 году была премирована монография Маркова «Проблема сохранения и

Рига, 1948 год. В рижском загсе В. Марков и П. Кольцова.

современная наука» (Рига, Зинатне, 1980), в 1989 году монография «Феномен случайности. Методологический анализ» (Рига, Зинатне, 1988).

В книге «Феномен случайности» автор предложил обсудить широкий круг вопросов из области естественнонаучной проблематики и кибернетических модусов случая, лингвистики и литературоведения, так или иначе относящихся к «случайному миру», то есть имеющих непосредственное отношение «к явлениям хаотическим, иррегулярным, непредсказуемым, возможным, вероятным, беспорядочным, дисгармоничным, неопределенным, неоднозначным, флуктуационным, энтропийным, шумовым, срединным, единичным и массовым, деструктивным и конструктивным, спасительным и коварным, мимолетным и вечным, творящим судьбы, созидаящим (и уничтожающим) красоту и неповторимость».³ Подытоживая исследование, Марков писал: «Современное мышление с его развитой логикой, прогнозированием, алгоритмизацией преодолевает случайности, связанные с неоптимальностью решений, давлением эмпирии и т. п. (...) но, с другой стороны, резкое расширение человеческих возможностей усиливает тягу к стохастике, вари-

антности форм, экспериментированию во всех его направлениях. На этой почве взошли такие странные (для «классики!») феномены, как музыкальная алеаторика, стохастическая музыка, антитеатр. (...) Критерии рациональности, идеалы и нормы исторически подвижны; сумасшедшие идеи нужны не только в науке». ⁴ Валерий Александрович позже говорил о важности монографии «Феномен случайности», ставшей его программной работой на последующие 18 лет.

Вопросы экологии — это еще одно направление, в рамках которого активно работал Марков. Одна из коллективных монографий с его участием «Природа. Человек. Общество: социальные аспекты экологии» (Рига, Зинатне, 1983) также удостоилась премии Президиума АН ЛССР. Через 10 лет после этой публикации он вновь вернулся к вопросам эволюции, глобальной экологии, экологизации космоса. В книге «Очерки по семиотике: Археология знаковых систем» (Рига, 1992) он нашел новый парадоксальный ход осмысления экологии: «экологией человека на исходе второго тысячелетия становится не природа, а информация. Именно она является социокультурным феноменом, производящим, хранящим, распределяющим и потребляющим знаки». В этой монографии Марков также пылливо осмысливал археологию знаковых систем, исследовал семиотическую проблематику во всем её многообразии — в области языкознания, культурно-этнографической, мифоведения, исторического знания, фольклорно-литературной, искусствоведения, философии, естественнонаучной. ⁵

Нельзя не вспомнить поименно тех, кто окружал Маркова непосредственно в институте, с кем обсуждались научные проблемы, велись идейные споры, создавались коллективные монографии. Коллегами, друзьями Маркова по отделу диалектического и исторического материализма ⁶ в разные годы были Генрих Буш, Майя Кулэ, Элмар Вебер, Марис Вецвагарс, Янис Брок, Вилис Даберт, Гунар Тауриньш, Роберт Апинис, Владимир Янсон, Тамара Штейнберг, Ансис Зунда, Антон Колодынский, Дзинтарс Буш, Илзе Королева, Андрис Дрейманис, Майя Чапиня, Карлис Рутманис. В этой компании коллег, столь разных по возрасту и научным интересам, опыту наиболее близок Маркову был доктор философских наук Генрих Буш. ⁷ Но 1990-е годы стали временем перемен в институте, что привнесло коррективы в круг коллег. Кто-то ушел в политику, кто-то на более хлебное место, кто-то сменил род занятий, кто-то в иной мир... Даже институт переименовал

свою вывеску — после философии вторым его направлением стала социология.

III. Книги – Книги – Книги

Более десяти лет директор Майя Кулэ предоставляла ученому академическую свободу — Валерий Александрович имел от Совета по науке свой грант, за который он почти ежегодно отчитывался монографиями. Публикации

Варвара Александровна Маркова, начало 1920-х годов — мать В.А.

его приобрели известность во многих странах мира. В 1999 году American Biographical Institute (США) отметил имя В. А. Маркова как значимое для современной философии. В 2000 году Министерство образования и науки Латвии наградило его премией за плодотворную научную деятельность. Работа в Институте продолжалась до 30 июня 2005 года — до избрания профессором *эмеритус* АН Латвии. ⁸

Не желая вникать в бюрократические головоломки поиска денег на издание книг, писать проекты в разные фонды, искать спонсоров, Валерий Александрович со-финансировал, позже просто финансировал типографские расходы из офицерской пенсии, значительную часть тиража дарил Институту философии и социологии ЛУ. ⁹

Через несколько месяцев после его кончины в 2006 году увидела свет заключительная монография Валерия Маркова «Сознание как универсум: Эмерджента. Апокриф. Энигма». По словам Ольги Валерьевны, отец исполнил

все свои замыслы, неопубликованных рукописей не осталось в его архиве.

Блестящий знаток русской словесности не спешил полагаться на редакторов — Валерий Александрович предпочитал печатать монографии исключительно в авторской редакции. Не принял и новомодных компьютерных «подпорок». Помощь машины между собой и текстом не признал, набирать текст книг с помощью компьютера категорически не желал. Имел привычку доверять написанное белым

В. А. Марков выступает на заседании Ученого совета Института философии и права АН ЛССР. Середина 1980-х годов. Справа налево — Янис Вейш, Майя Кулз, Лариса Чухина, Андрис Дрейманис, Майя Чапина, ?, Эрика Стумбина, Модрис Трейлис, Зигмунд Балевиц, Алексей Кузнецов. Фотография — собственность Института философии и социологии ЛУ

листам бумаги и чернильной ручке, затем отдавал исправленный, отредактированный им самим текст институтской машинистке Тане, а уж затем относил манускрипт в типографию Альберту Анатольевичу Снегирёву, издавшему его девять книг.

В частных беседах не раз сожалел о ныне то ли утраченной, то ли основательно подзабытой в научной среде культурной норме — писать рецензии на новые труды коллег по философскому, да и не только, цеху. В списке публикаций Маркова значится много рецензий,¹⁰ среди коих печатный отзыв на монографию высокоуважаемой им коллеги по институту Ларисы Алексеевны Чухиной (пани Лариса, непревзойдённая Лариса, великолепная Лариса — так он ее называл), чей философский дар, глубокую гуманитарную культуру, интеллигентность он высоко ценил.¹¹ Иногда было интересно наблюдать беседу двух столь непохожих коллег — педагога с большим стажем Маркова и не терпевшей занудную лекционную деятель-

ность Чухиной, дипломатичного, осторожного в суждениях Валерия Александровича и всегда готовой к спору, дискуссии, т.е. к диалектике, темпераментной Ларисы Алексеевны.¹² Имею ввиду диалектику в первоначальном смысле — как искусство вести беседу, спор, как вел беседу Платон по прошествии десятилетий от имени своего учителя Сократа. Для осуществления чуда, именуемого пониманием, и заключающегося не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу. Возможно, это чудо происходило.

Впрочем, виновата перед Марковым и я сама. Увы, не вняла его просьбам не уклоняться от написания рецензий.¹³ Читая монографии, всегда заочно бурно спорила с ним, очень часто не соглашалась, возмущалась нигилистическим, критическим духом книг. Но одновременно не переставала удивляться точности, тонкости, ёмкости и образности суждений. Не раз задавала ему вопросы по русской философии, возмущалась его невниманием к русскому любомудрию. Но Валерий Марков убежденно отвечал, что адекватная история русской философии еще ждёт своего историка. Мы «бранились» по вопросам синкретизма (религиозного, философского), низвержения им философских «кумиров» и т.д. Как же можно было не спорить, если я читала утверждение «метафизика вообще угасает. На горизонте неопрагматизм и необихевиоризм». Или «религиозная вера — состояние человеческой Психеи, души. Все остальное приклад, эпидермис, демонстратив — ритуал, текст, имяславие, молитвословие». (Из книги «Мир как текст»)

Ему нравилось равнодушие к его книгам. Кстати, неоднократно в наших разговорах с Марковым ставила диктофон на стол, пыталась интервьюировать Валерия Александровича. Отказывался, просил заранее сформулировать в письменном виде вопросы и так же, письменно, нескоро на них отвечал. Маркову вообще была присуща природная скромность, усиленная в последние годы жизни немногословностью. Возможно, вербальный аскетизм преумножал чуткость к слову — слову написанному. А в текстах книг по-прежнему мастерски «играл» языком, словами и их смыслами. Своего рода словесная эквилибристика, намеренная усложнённость. Игра в философию или подача философского текста как игры, ребуса, подчас труд-

но воспринимаемое нагромождение метафор и парадоксов. Таким перед читателем предстает Марков, подступиться к монографиям которого без осведомлённости в тенденциях современной философии, литературы, культуры, возможно, будет несколько затруднительно.

Несомненно, провокация, магнетизм и особая притягательность французской философской школы середины прошлого века в известной мере побудили Валерия Александровича критично изучить процессы XIX — XX столетия, происходившие в философии, культуре, науке, и дать всему авторское осмысление. Это плеяда действительно блестящих мыслителей, утонченных, экстравагантных, порой лишённых понятности, убедительности, ясности — Ж. Бодрийар, М. Фуко, Ж. Делёз, Ю. Кристева, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Г. Башляр, Ж. Лакан, Р. Барт, Ж.-П. Сартр, Ж. Батай, Ж. Маритен, А. Камю и т.д. Им (экзистенциалистам, неотомистам, структуралистам, постструктуралистам, особенно постмодернистам) была в той или иной мере уготована роль зачинателей современного философского мышления с высоким градусом интеллектуальной раскованности, свободы. Ведь в постмодернизме (в постмодернистском «хулиганстве») задаёт тон глубокое разочарование в идеалах и ценностях Возрождения, Просвещения с их верой в прогресс, торжество разума, безграничность человеческих возможностей. И как логическое следствие, наблюдается наступательная, категорическая, подчас убедительная и справедливая, критика всей традиции западноевропейского рационализма.

В историко-философской эпопее, по мнению Маркова, слишком много претенциозности (не говорим о ее позитивном содержании). «Постмодерное» мышление крушит завещанные метафизические доктрины («великие метаповествования», «великие метанарративы»), неумолимо утрачивающие свой «шарм» и незаблемость. Но что в итоге?

«Постмодерн? — вопрошал Марков. — Эпилог великих культур и предзакатные видения (как тут не вспомнить пророчества, интуиции и ауспиции Освальда Шпенглера: *Закат Европы*). В плане художественном постмодернизм заявил о себе как небывшая, неклассическая эстетика в противовес эстетике античной (скульптурной и архитектурной с золотым сечением и Аполлоном) и кантианско-гегелианской (понятийной в универсуме Абсолютной идеи). Нонклассика неканонична, асистематична, эклектична и архаична. (Может быть, это апогей или перигей дионисийства, где вакханалии, са-

турналии, дуперкалии и карнавал). Постмодерн — эпоха „усталой“, „энтропийной“ культуры. Физики говорят: „Всё кончается энтропией“».¹⁴

Между прочим, у Валерия Александровича в 1970–1990-е годы имелось немало соавторов по научным публикациям. Но только ему было суждено найти в себе интеллектуальные силы, переступить через систематическую философию, преодолеть марксизм да и не обольститься ни одной уже канонизированной философской фигурой (будь то Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Б. Рассел, Л. Витгенштейн или кто-то иной). Суттестия педагога–практика, активного лектора общества «Знания», любовь к философским баталиям забылись напрочь: публичные (или для узкого круга) лекции не читал, учеников и последователей не искал. Ведь современный стиль жизни, то есть «постмодерный стиль жизни — спектр мнимостей на подмостках СМИ претил Маркову. Публичная крикливость, пиар отвергались. «Надо высовываться, чтобы показать свою значимость. (...) Дешёвый соблазн: нарцисс на пьедестале. Да и нарцисс теперь как манекен, вылепленный из пластилина по образцам запертых инфогеймингов и скейлингов (малое в роли большого). Лилипутия на ходулях?».¹⁵

Все силы Валерий Александрович отдавал рукописям с надеждой, что когда-нибудь его тексты обретут своего читателя. «Потеря смысла жизни — это дефицит собственной риторики». Таковы заключительные строки последней его книги. Одни отдают должное философскому дарованию С. С. Хоружего, иные — В. С. Библера, другие — М. К. Мамардашвили, четвертые — В. В. Бибикина, пятые — А. М. Пятигорского... В этой предварительной статье о Валерии Александровиче Маркове не его «величание» и расширенный, углубленный анализ виражей его философских статей, монографий стали моей задачей. Желалось представить моего старшего коллегу в окружении сподвижников по Институту философии и социологии ЛУ. И как достойного представителя русской гуманитарной интеллигенции Латвии, чьи невосполнимые потери последних лет, хочется верить, когда-нибудь уравновесятся ценными приобретениями.

¹ Автор публикации выражает признательность дочери В. А. Маркова — Ольге Валерьевне Марковой, предоставившей материалы из семейного архива.

² Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, Зинатне, 1986; Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, Зинатне, 1988; Тыняновский сборник. Четвертые Тыня-

новские чтения. Рига, Зинатне, 1990.

³ Марков В. А. Феномен случайности. Методологический анализ. Рига, Зинатне, 1988. с. 8.

⁴ Там же, с. 219.

⁵ Марков В. А. Очерки по семиотике: Археология знаковых систем». Рига, 1992. с. 19.

⁶ В период горбачевской перестройки отдел был переименован в отдел философской антропологии.

⁷ Генрих Язепович Буш умер в январе 1992 года. Он принадлежал к тому поколению латышей, по которому прошелся каток истории. Вопреки всему, Генрих Язепович был человеком активным и увлеченным, занимался проблемами эвристики, научно-технического творчества. Имел громадное количество опубликованных статей, монографий в московских, киевских, рижских изданиях, но библиография его печатных работ, увы, мне неизвестна. Вот несколько публикаций Г.Я. Буша: Аналогия и техническое творчество. Рига, Авотс, 1981; Диалогика и творчество (под научной редакцией Т.В. Длугач). Рига, Авотс 1985. В сборнике «Domas par antīko filozofiju» (Rīga, Avots, 1990) были опубликованы две статьи Генриха Буша: Pitagoriešu sabiedriskā doma un dzīves veids, Kīniķu filozofijas antikonvenciālie meklējumi.

⁸ Гражданином Латвии, кстати, Валерий Александрович так и не стал.

⁹ Перечислю монографии Маркова В. А., опубликованные на рубеже XX – XXI столетий «Миф. Символ. Метафора: Модальная онтология» (Рига, 1994);

«Мир человека и человек в мире: Антропоморфный универсум» (Рига, 1995);

«Введение в метафизику: Театр сознания» (Рига, 1996);

«Антропос: Изваяние невозможного» (Рига, 1999);

«Логос: Этюды к философии языка» (Рига, 2000);

«Философия жизни: Сказы о несказуемом» (Рига, 2002);

«Единое и многое: Абраксас. Сфарагмос. Горизонт» (Рига, 2003);

«Мир как текст: Вербальный универсум. Опыт-предел. Археписьмо» (Рига, 2005).

В последние годы написание статей не привлекало Валерия Александровича. Исключением стали научные сборники Балтийского русского института. Марков В. А., Андриксон Г. А. Человек и природа – новый альянс // Сборник научных трудов Балтийского русского института / под общ. ред. В. Е. Никифорова; ответ. ред. А.Д. Тяпкин. Рига, БРИ, 1995. Том 1; Андриксон Г., Марков В., Никифоров В. Парадигма нелинейности в современной науке (нелинейность как процесс и проблема) // Сборник научных трудов Балтийского русского института / под общ. ред. В. Е. Никифорова; ответ. ред. А. Д. Тяпкин. Рига, БРИ, 1996. Том 2.

¹⁰ Перу В. А. Маркова принадлежат рецензии на книги Л. Пахарь, Ю. П. Ветина, И. Акопяна, Г. Щербинского, А. Полиса, Т. Вилция, Н. Лициса и других. Соавторами Маркова в разные годы стали Н. Лицис, Э. Веберс, Ю. Ведин, Г. Буш, Л. Растрингис, Г. Андриксон, В. Никифоров.

¹¹ На протяжении десятилетий в латвийской философской академической среде особенно выделялась Лариса Алексеевна Чухина (1913 – 2002) – выпускница универ-

ситета Стефана Батория в Вильнюсе, профессор-эмеритус, доктор философских наук, хабилитированный доктор философии Латвии (Dr. Habil. phil.), ведущий научный сотрудник Института философии и социологии АН Латвии. Политические режимы сломали научную карьеру Л. А. Чухиной, которой 1 сентября 1939 года предстояло начать работать в стенах Сорбоннского университета. Позже ей пришлось преодолевать многочисленные преграды: Чухина была вынуждена повторно в 1964 году экстерном окончить философский факультет, но уже в Ленинграде. Через три года в Ленинградском государственном университете блестяще защитила кандидатскую диссертацию «Феноменологическая аксиология Макса Шелера». Свободно владела древнегреческим, латышным и современными европейскими языками, она работала в близком ей жанре философских портретов. В многочисленных статьях, монографиях предлагала свою авторскую интерпретацию близких ей по духу русских, но особенно европейских религиозных мыслителей – Ф. Достоевского, отца П. Флоренского, Аврелия Августина, Б. Паскаля, К. Барта, Ж. Маритена, М. Бубера, С. Кьеркегора, Г. Марселя, К. Ранера и многих других. При этом оставалась верной главной проблеме своего философского творчества – проблеме человека. К примеру, Макс Шелеру Лариса Алексеевна посвятила на протяжении своей жизни не одну публикацию. Назову несколько публикаций: Чухина Л. А. Феноменологическая аксиология М. Шелера // Проблема ценности в философии. М., Л., 1966; Чухина Л. А. Проблема личности в аксиологии Макса Шелера // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по философии. 1968. № 11; Чухина Л. А. Макс Шелер: Онтология трагического // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, Зинатне, 1988; Чухина Л. А. Концепция эмоционального априори в феноменологической философии М. Шелера // Феноменология в современном мире. Рига, Зинатне, 1991; Чухина Л. А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера // Макс Шелер Избранные произведения. М., Гнозис, 1994. Л. А. Чухина автор двух монографий: Человек и его ценностный мир в религиозной философии. Рига, Зинатне, 1980 (переиздание осуществлено в 1991 году); Человек в религиозной философии. Рига, Zvaigzne ABC, 1996. Из античной философии Л. А. Чухина отдавала предпочтение стоицизму. См. более подробно: Larisa Čuhina. Stoicisma filozofiskais mantojums // Domas par antīko filozofiju. Rīga, Avots, 1990. Близкая подруга Л. А. Чухиной ассоц. профессор, доктор философии Оксана Тимофеевна Вилните посвятила ей публикацию: Oksana Vilnīte. Larisa Čuhina // Reliģiski-filozofiski raksti. Rīga, LU FSI, 2005. X. sējums.

¹² При создании биографического справочника «Выдающиеся русские латвийцы» (Рига, 2008) мною были даны для этого издания справки о Л. А. Чухиной и В. А. Маркове.

¹³ Дважды мне довелось писать рецензии на книги Валерия Маркова: Svetlana Kovaļčuka. Kur Rietumi tiek ar Austrumiem. (S. Kovaļčukas saruna ar V. Markovu) // Kentauris, 1999. № 20. 134 – 142 lpp.; Светлана Ковальчук. Где Запад сходится с Востоком. Опыт интервью-рецензии // Даугава, 2000. № 2. с. 131 – 139.

¹⁴ Марков В. А. Единое и многое. Рига, 2003. с. 314 – 315

¹⁵ Марков В. А. Мир как текст. Рига, 2005. с. 312 – 313